

Россейкин Ф. М. Как Франция пришла к отделению церкви от государства? [Рец. на: *De Lanessan L.-L. L'Etat et les Églises en France depuis les origines jusqu'à la séparation.* Paris, 1906] // Богословский вестник 1907. Т. 1. № 4. С. 724–767 (2-я пагин.).

Какъ Франція пришла къ отдѣленію церкви отъ государства?

J.-L. de Lanessan. *L'État et les Églises en France depuis les origines jusqu' à la séparation.* Paris, 1906.

(Продолженіе).

Франція подь конкордатомъ.

Наполеонъ не выполнилъ приказанія директоріи, такъ какъ это не входило въ его личные планы. Стремясь къ своимъ собственнымъ цѣлямъ, онъ дѣйствуетъ даже вопреки ему. вмѣсто того, чтобы занять Римъ и положить конецъ свѣтской власти папы, онъ входитъ, во время своихъ походовъ въ Италіи, съ Пиемъ VI въ соглашеніе, основанное на обѣщаніи возстановить во Франціи католическую церковь. Въ своей нотѣ къ Пію VI отъ 3 авг. 1797 г. Бонапартъ предлагаетъ ему вмѣшаться въ дѣла французской церкви и издать буллу къ духовенству съ призывомъ къ повиновенію правительству. Эта нота отмѣчаетъ рѣзкій поворотъ въ церковной политикѣ Франціи, поворотъ въ пользу католицизма и папы.

Впрочемъ, пока власть оставалась въ рукахъ директоріи, послѣдняя продолжала принимать мѣры къ болѣе глубокому отдѣленію государства отъ церкви. Между прочимъ, въ цѣляхъ уничтоженія соціальныхъ привычекъ, воспитанныхъ христіанствомъ, былъ введенъ въ официальной жизни республиканскій календарь. Новый календарь дѣлилъ мѣсяцъ на три части по 10 дней; послѣдній изъ 10 дней считался праздникомъ и носилъ имя декады (*décadi*). Праздничный отдыхъ для служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ былъ отнесенъ на декаду. Въ этотъ день мѣстныя власти должны были собирать гражданъ для прочтенія имъ законовъ и правительственныхъ распоряженій. Свадьбы разрѣшалось справлять только по декадамъ, которыя получили такимъ образомъ характеръ гражданскаго воскресенья.

Однако народъ видимо поворачивалъ въ сторону католицизма. Его религіозныя привычки и интересъ къ культу-

вымъ церемоніямъ сохраняли еще силу. На нихъ и могло рассчитывать католическое духовенство, не отказавшееся отъ надежды вернуть церкви потерянное положеніе.

Когда переворотъ 18 брюмера отдалъ верховную власть въ руки Наполеона, церкви представился удобный случай войти въ сдѣлку съ нарождающимся абсолютизмомъ, поддержать его своимъ вліяніемъ въ народѣ и этой цѣной купить хотя часть утраченныхъ преимуществъ. Въ то-же время это было-бы местию по отношенію къ революціи за понесенныя отъ нея потери и униженія.

Однако нужно имѣть въ виду, что подобными расчетами и чувствами руководились лишь папа, да преданная ему часть духовенства. Что касается огромнаго большинства французскихъ католиковъ, то они хотѣли лишь одного: свободы для отправленія своего культа. Каноничность церковнаго строя не могла ихъ особенно интересовать; этотъ вопросъ былъ слишкомъ малъ послѣ того, что было только-что пережито въ теченіе 10 лѣтъ революціонной бури съ ея ужасами и тревогами. Имѣть возможность слушать свою мессу, въ своемъ собственномъ храмѣ, отъ священника, избраннаго по своему вкусу, вотъ все, что имъ было нужно. Конечно, преслѣдованія священниковъ и другія правительственныя стѣсненія требовалось уничтожить; но за всѣмъ тѣмъ, народъ ничего не имѣлъ противъ полного отдѣленія церкви отъ государства, разъ государство гарантировало гражданамъ полную религіозную свободу.

Новый порядокъ, созданный отмѣной бюджета культовъ и отдѣленіемъ церкви отъ государства, успѣлъ приучить къ себѣ народныя массы. Прихожане безропотно содержали храмы и священниковъ на собственный счетъ. Улучшалось отношеніе къ этому порядку и со стороны духовенства. Республикански настроенные епископы и священники, принявшіе отдѣленіе съ полнымъ сочувствіемъ, старались примирить съ нимъ и остальную часть іерархіи. Въ декабрѣ 1795 г. епископы-республиканцы обнародовали энциклику, въ которой говорили объ отдѣленіи, что оно возвращаетъ церкви ея самостоятельность, независимость и даетъ возможность приблизить ее къ перво-христіанскому строю, насколько это допускается различіемъ эпохъ. Епископы выражали сожалѣніе, что папа не хочетъ примириться съ „гражданскимъ устройствомъ клира“, и за-

клинали антиреспубликанское духовенство „именемъ Бога, который былъ у нихъ одинъ, и во имя ихъ общихъ испытаній“ не отказываться дальше отъ общенія съ ними и всеобщаго примиренія. Съ 1799 г., когда преслѣдованія противъ антиреспубликанскаго духовенства были отмѣнены, сближеніе стало еще болѣе возможнымъ. Хотя медленно, но оно крѣпло. Въ 1800 г. министръ внутреннихъ дѣлъ говорилъ въ своемъ официальномъ отчетѣ: „въ большей части департаментовъ римско-католическое духовенство, если даже оно и не давало, какъ это требуется закономъ, обѣщанія въ вѣрности, отказалось отъ борьбы противъ республики.. Мало по малу оно начинаетъ чувствовать цѣну свободы, которой пользуется; дѣло замѣтно клонится къ умиротворенію“. Официальное показаніе не было преувеличеніемъ: отдѣленіе, несомнѣнно, приносило хорошіе результаты, уничтоживъ поводы къ зависти и ненависти между антиреспубликанскимъ и республиканскимъ духовенствомъ и ослабивъ борьбу между церковью и государствомъ, такъ какъ сношенія между ними стали теперь очень рѣдки.

Съ вступленіемъ въ управленіе государствомъ консуловъ, къ умиротворенію церкви были сдѣланы новые шаги. Много заключенныхъ священниковъ получило свободу; сосланные возвращены на родину; вновь подтверждена свобода пользованія храмами и совершенія богослужебныхъ обрядовъ по воскресеньямъ; прежняя присяга была упрощена до послѣдней степени и получила видъ такой формулы: „я обѣщаю вѣрность конституціи“. Къ марту 1800 года исчезли послѣдніе слѣды внутреннихъ междоусобицъ, и церковная жизнь приняла спокойное теченіе. Съ отдѣленіемъ примирились всѣ. Было ясно, что нація хотѣла свободы и ничего болѣе.

Къ сожалѣнію, Наполеонъ, носившій въ это время званіе перваго консула и полномочія монарха, стремился не къ свободѣ, а къ императорской коронѣ Рѣшая на переворотъ 18 брюмера, отдавшій въ его руки верховную власть, онъ сильно рассчитывалъ на поддержку церкви. Наполеонъ не ошибся. Переворотъ былъ встрѣченъ антиреспубликанскимъ духовенствомъ съ восторгомъ и полнымъ одобреніемъ. Съ этого момента союзъ между абсолютизмомъ и церковью былъ заключенъ. Впослѣдствіи на островѣ св. Елены Наполеонъ

самъ признавался, что едва-ли ему удалось-бы многіе изъ его плановъ, если-бы папа и католическая церковь не оказали ему своей поддержки.

Чтобы лучше использовать папу, нужно было оставить за нимъ возможно болѣе широкое вліяніе. Въ этихъ цѣляхъ представлялось необходимымъ сохранить его свѣтскую власть, дававшую папѣ право имѣть посланниковъ при европейскихъ дворахъ и самому принимать иностранныя посольства. Поэтому-то Бонапартъ и не выполнилъ въ 1797 г. предписаній директоріи о занятіи Рима и провозглашеніи въ немъ республики. Онъ берегъ папу въ своихъ собственныхъ видахъ и до нужнаго ему времени.

Въ 1800 г. это время наступило. Наполеонъ рѣшилъ забрать папу въ руки и заставить его служить своимъ цѣлямъ. Лѣтомъ названнаго года французскія войска, по приказанію Наполеона, заняли Римъ, и папа оказался въ полной власти императора. Наполеонъ могъ диктовать ему свои условія, и папа не могъ не принять ихъ, подѣ страхомъ потерять сразу и свой авторитетъ надъ французскими католиками, и свою свѣтскую власть.

Если-бы Наполеонъ имѣлъ въ виду интересы свободы и народа, онъ долженъ былъ-бы освободить французскую церковь отъ власти папы и сдѣлать ее независимой галликанской. Лучшіе изъ его сотрудниковъ такъ и совѣтовали поступить. Внутреннее состояніе французской церкви дѣлало подобную реформу церковныхъ отношеній вполне возможной. Настроенная республикански и сочувствовавшая отдѣленію часть духовенства была достаточно многочисленна. Если ея противники и пользовались болѣе большимъ авторитетомъ среди ревностныхъ католиковъ, то были слабѣе отсутствіемъ правительственной поддержки. Въ послѣднемъ счетѣ, первая партія торжествовала надъ второй, и если-бы правительство захотѣло провести реформу, то поддержка республиканскаго духовенства обезпечивала ей успѣхъ. Франція могла имѣть независимую отъ Рима и отъ государства галликанскую церковь, и папа былъ-бы вынужденъ признать ее. Церковный вопросъ былъ-бы разрѣшенъ для Франціи навсегда.

Но развитіе французской церкви въ данномъ направленіи было не въ интересахъ Наполеона. Епископы и священники свободной церкви едва-ли оказались-бы способными пресмы-

каться предъ деспотической свѣтской властью. Между тѣмъ Наполеонъ нуждался въ послушномъ и угодливомъ духовенствѣ, готовомъ выполнять всѣ прихоти его честолюбія. Такое духовенство онъ могъ создать, лишь оставивъ за собою право назначать епископовъ. Принося въ жертву своему властолюбію интересы церковнаго и общественнаго мира, Наполеонъ вступаетъ съ римскимъ престоломъ въ соглашеніе, выгодное въ его личныхъ цѣляхъ. Результатомъ соглашения былъ конкордатъ 1801 г.

Конкордатъ представлялся политической сдѣлкой, въ которой каждая сторона старалась уступить какъ можно меньше и получить какъ можно больше. Силѣ штыковъ, которой располагалъ первый консулъ, римскій дворъ противопоставилъ всю свою изворотливость. И послѣдняя одержала верхъ. Конечно, Римъ долженъ былъ сдѣлать значительныя уступки, но онъ и приобрѣталъ не мало, хотя при тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ находился, могъ уступить гораздо больше и согласиться получить гораздо меньше ¹⁾.

¹⁾ По конкордату 1801 г. французское правительство и папскій престолъ взаимно признавали, что „католическая, апостольская и римская религія является религіей огромнаго большинства французскихъ гражданъ“ и въ силу этого имѣетъ права на привилегированное положеніе въ государствѣ. Изъ этого принципа вытекалъ рядъ частныхъ пунктовъ, точнѣе опредѣлявшихъ отношенія между государствомъ и церковью. Важнѣйшіе изъ нихъ имѣли слѣдующее содержаніе: 1, Католическая, апостольская и римская религія будетъ свободно исповѣдываться во Франціи; ея культъ будетъ отправляться публично, но въ соответствии съ постановленіями полиціи, которую учредить правительство. 2, Папа, по соглашенію съ правительствомъ, произведетъ новое распредѣленіе епархій. 3, Папа объявитъ французскому епископату, что онъ ожидаетъ отъ него, для блага мира и единенія, всякихъ жертвъ, до отказа отъ кathedры включительно. 4, Назначеніе на свободныя епархіи будетъ производиться первымъ консуломъ; каноническое утвержденіе—римскимъ престоломъ. 5, Епископы, вступая въ отправленіе обязанностей, приносятъ въ присутствіи перваго консула присягу, въ которой клянутся Богу предъ Его святымъ евангеліемъ сохранять послушаніе и вѣрность правительству, обѣщаютъ не принимать участія въ заговорахъ и обществахъ, противныхъ общественному спокойствію, и доносить правительству обо всемъ, что можетъ служить ко вреду государства. 6, Аналогичная присяга приносится, въ присутствіи властей, нашимъ духовенствомъ. 7, Устанавливается молитва о спасеніи республики и консуловъ. 8, Епископы набираютъ священниковъ, но выборъ можетъ пасть лишь на лицъ, угодныхъ правительству... 9, Всѣ храмы находятся въ распоряженіи епископовъ. 10, Папа, для

„Старая лисица“, какъ любилъ Наполѣонъ называть папу, одержалъ побѣду надъ гораздо сильнѣйшимъ противникомъ.

Уступки со стороны папы сводились къ слѣдующему.

Папа согласился на то, что отправленіе католическаго богослуженія ставилось подъ наблюденіе полиціи, спеціально установленной для этой цѣли правительствомъ. Онъ мирился съ тѣмъ, что епископы-республиканцы, получившіе свои кафедръ безъ его вѣдома и согласія, сохранять свои мѣста; какъ ему не было тяжело, онъ долженъ былъ дать имъ каноническое утвержденіе. Съ другой стороны, нѣкоторые изъ антиреспубликанскихъ, преданныхъ папѣ епископовъ, удаленныхъ съ ихъ кафедръ во время борьбы государства съ церковью, теперь принуждались навсегда отказаться отъ своихъ епархій, замѣщенныхъ преданными республикѣ лицами. Большимъ униженіемъ для папы было установленіе для епископовъ присяги въ вѣрности и повиновеніи французскому правительству. Не такъ давно предшественникъ папы не хотѣлъ одобрить простого обѣщанія въ вѣрности конституціи, установленнаго конвентомъ; теперь Пій VII мирится съ торжественной епископской клятвой, гдѣ епископы „предъ св. евангеліемъ“ обязываются не только соблюдать послушаніе и вѣрность правительству, но и доносить ему о всемъ, что замышляется ко вреду государства. Это значило навязывать духовенству полицейскія функціи и обречь его на злоупотребленія со стороны свѣтской власти. Далѣе, папа обязывалъ себя и церковь заканчивать богослуженіе молитвой за республику, ту самую республику, съ которой папство вело ожесточенную борьбу цѣлыхъ 12 лѣтъ. Наконецъ, обѣщавъ за себя и своихъ преемниковъ не

блага мира и благополучія католической церкви, объявляетъ, что ни онъ, ни его преемники не будутъ преслѣдовать лицъ, пріобрѣтшихъ въ личную собственность прежнія церковныя имущества, которыя и должны остаться навсегда въ ихъ полномъ владѣніи. 14. Правительство обезпечить необходимое содержаніе для епископовъ и священниковъ. 15. Правительство приметъ мѣры, чтобы французскіе католики могли, если пожелаютъ, дарить церкви недвижимыя имущества. 16. Папа признаетъ въ первомъ консулѣ тѣ же самыя права и привилегіи, какія признавалъ за старымъ королевскимъ правительствомъ Франціи. 17. Въ случаѣ если кто нибудь изъ преемниковъ перваго консула не будетъ католикомъ, предшествующій параграфъ долженъ быть пересмотрѣнъ.

преслѣдовать лицъ, пріобрѣтшихъ въ частную собственность прежнія церковныя имущества, папа навсегда отказывался отъ надежды вернуть потерянные церковью владѣнія. Ко всѣмъ этимъ потерямъ и униженіямъ для папы {прибавлялось еще одно: Наполеонъ принудилъ папу, не смотря на его упорное сопротивленіе, согласиться пріѣхать въ Парижъ на свое коронованіе.

Папа уступалъ много. Но получалъ еще болѣе.

Его свѣтскія владѣнія остались за нимъ и были даже увеличены присоединеніемъ Анконы и нѣкоторыхъ другихъ провинцій Италіи.

Въ сферѣ духовнаго вліянія пріобрѣтенія были еще значительнѣе.

Французское правительство признавало римско-католическую религію религіей огромнаго большинства французскихъ гражданъ. и подтверждало ея права на привилегированное положеніе въ государствѣ. Это было равносильно торжественному возстановленію римской церкви въ достоинствѣ государственной религіи, что подчеркивалось въ конкордатѣ еще статьей 17. Статья гласила, что въ томъ случаѣ, когда кто-либо изъ преемниковъ перваго консула не будетъ католикомъ, права главы французскаго государства по отношенію къ церкви и въ частности назначенію епископовъ будутъ опредѣлены новымъ конкордатомъ. Такого постановленія было достаточно, чтобы сдѣлать почти невозможной замѣну во Франціи католичества протестантствомъ.

Католическому духовенству по конкордату назначалось казенное содержаніе, что возвращало имъ прежнее положеніе государственныхъ чиновниковъ, пріобрѣтеніе очень важное, такъ какъ клиръ безъ денегъ и оффиціальнаго положенія терялъ значительную долю своего вліянія.

Правительство разрѣшило французскимъ католикамъ дарить церкви недвижимыя имущества, что открывало возможность постепеннаго накопленія имуществъ въ замѣнъ потерянныхъ по закону 18 сент. 1794 г. и служило вознагражденіемъ папѣ за принятое имъ обязательство оставить въ покоѣ собственниковъ, раскупившихъ прежнія церковныя земли.

Если право назначенія епископовъ перешло къ первому консулу, то папа возвращалъ себѣ право ихъ каноническаго утвержденія, безъ котораго назначенный правительствомъ

епископъ не могъ быть признанъ настоящимъ епископомъ и не имѣлъ права приступить къ выполнению своихъ обязанностей. Избирательный порядокъ, установленный „гражданскимъ устройствомъ клира“, уничтожался.

Помимо всего этого, папѣ удалось добиться цѣлаго ряда правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ возвышенію авторитета церкви. Декретъ 14 марта 1804 г. учреждалъ въ каждой епархіи духовныя семинаріи, содержавшіяся на счетъ государства. Декретъ 22 іюня 1804 г. хотя и уничтожалъ учрежденія іезуитовъ, но разрѣшалъ существованіе женскихъ конгрегацій, которыя въ 1809 г. были даже поставлены подъ августѣйшее покровительство матери императора. Въ тихомолку установился порядокъ, по которому правительство мирилось съ возникновеніемъ новыхъ монашескихъ общинъ, требуя отъ нихъ выполненія единственнаго условія, что онѣ встанутъ подъ контроль государства. Между прочимъ съ 1801 года открываетъ свою дѣятельность общество христіанскихъ школъ, поставившее себѣ задачей овладѣть начальнымъ народнымъ образованіемъ. Когда были разрѣшены частныя ореднія учебныя заведенія, преподавательскій персоналъ многихъ изъ нихъ оказался заполненнымъ монахами, среди которыхъ было не мало членовъ нелегальныхъ конгрегацій. Правительство мирилось съ этимъ. Если обратить вниманіе на то, что государственный бюджетъ на начальное образованіе сократился до смѣшной цифры въ 50,000 франковъ въ годъ, то придется допустить, что церковныя школы были для самодержавнаго императора гораздо желательнѣе, чѣмъ свѣтскія.

Таковы были пріобрѣтенія папы.

Однако, оказывая покровительство церкви, Наполеонъ держалъ ее въ полномъ подчиненіи своей волѣ и даже капризамъ. Епископы стали послушны до униженности. Большинство изъ нихъ, охотно исполняя свою присягу, обратилось въ добровольныхъ сыщиковъ и полицейскихъ. Когда Наполеону заблагоразсудилось издать катехизисъ, гдѣ излагалась теорія божественнаго происхожденія его власти и самъ онъ представлялся исполнителемъ воли Божества и образомъ Его на землѣ, никто изъ прелатовъ не осмѣлился на протестъ. Но не только французскому духовенству при-

шлось стать игрушкой въ рукахъ всемогущаго императора: папѣ готовилась та-же участь.

Наполеонъ не стѣснялся требовать отъ папы уступокъ сверхъ условій, и тому приходилось дѣлать ихъ. Между прочимъ папа вынужденъ былъ дать каноническое утвержденіе двѣнадцати епископамъ, ненавистнымъ Риму, и согласиться на то, чтобы его легатъ принесъ присягу, содержащую обѣщаніе вѣрности французской конституціи и признаніе правъ галликанской церкви. Но самымъ глубокимъ униженіемъ для папы было его вынужденное путешествіе въ Парижъ на коронацію Наполеона. Папа не посмѣлъ отказать: ему угрожали изгнаніемъ изъ его владѣній. И чѣмъ больше онъ уступалъ, тѣмъ больше его унижали. Въ день коронаціи императоръ заставилъ его ждать въ соборѣ Парижской Богоматери своего пріѣзда болѣе часа и не доставилъ ему даже удовлетворенія возложить на себя корону; вырвавъ ее изъ рукъ папы, онъ самъ короновалъ себя. Униженному папѣ оставалось утѣшать себя мыслью, что онъ сохранилъ свои владѣнія и возстановилъ свой авторитетъ надъ французской церковью.

Въ концѣ концовъ, однако, притязанія императора зашли такъ далеко, что папа не выдержалъ и рѣшился на сопротивленіе. Ближайшія послѣдствія для папы были плачевны: декретомъ 17 мая 1809 г. папскія владѣнія были присоединены къ французской имперіи. Папа отлучилъ за это императора отъ церкви. Императоръ отвѣтилъ арестомъ папы и его заключеніемъ въ Савонѣ; 17 мая 1810 года Римъ былъ объявленъ второй столицей Франціи. Еще раньше, 25 февр. 1810 г., правительство провозгласило декларацію 1682 г. закономъ имперіи и устанавливало свободы галликанской церкви. Наполеонъ хотѣлъ не только добиться отъ папы одобренія этихъ постановленій, но и требовалъ, чтобы папы приносили ему отнынѣ присягу, какъ нѣкогда Карлу Великому. „Я признаю васъ моимъ духовной главой, но я вашъ императоръ“, писалъ онъ папѣ.

Борьба между папой и императоромъ разгоралась. Повидимому, сопротивленіе всемогущему кесарю должно было оказаться безнадежнымъ. И все-таки папа побѣдилъ, опираясь на французскую церковь, подчиненную ему тѣмъ-же конкордатомъ. Пусть папа былъ въ плѣну; это не мѣшало

ему нападать на императора съ помощью церкви, возбуждая противъ него епископовъ и ультрамонтанъ, распространяя среди духовенства и вѣрующихъ буллу съ отлученіемъ на него, наконецъ, отказывая въ каноническомъ утвержденіи назначаемымъ имъ епископамъ. Духовенство, которому иго самодержца было не менѣе тягостно, охотно примкнуло къ папѣ. Когда въ 1811 г. Наполеонъ созвалъ въ Парижѣ соборъ французскихъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ епископовъ, епископатъ первымъ дѣломъ засвидѣтельствовалъ свое послушаніе и вѣрность римскому престолу. Наполеонъ могъ добиться отъ него лишь декрета, послѣдняя статья котораго гласила, что декретъ „долженъ получить одобреніе отъ нашего святого отца папы“. Но этого одобренія, не смотря на угрозы, не послѣдовало. Папа рѣшительно отстаивалъ прерогативы святого престола. И онъ ихъ отстаивалъ. Ему выпало на долю счастье видѣть гибель всесильнаго противника и расцвѣтъ церковнаго могущества на развалинахъ его имперіи, подъ покровомъ имъ-же подписаннаго конкордата.

Если конкордаты 1801 г. были рассчитаны на то, чтобы съ его помощью подчинить церковь государству, то расчеты совершенно не оправдались. Епископы были послушны Наполеону, но лишь до его открытаго разрыва съ папой. Разрывъ поставилъ ихъ въ необходимость поддержать своего верховнаго главу, и они встали на сторону папы тѣмъ скорѣе, что деспотизмъ правительства былъ тяжелъ для нихъ не менѣе, чѣмъ для Рима. Французская церковь вступила въ борьбу съ государствомъ въ защиту интересовъ папы и собственныхъ, и вышла изъ нея побѣдительницей.

Послѣ низверженія Наполеона положеніе церкви поднялось значительно выше. Людовикъ XVIII чувствовалъ себя на тронѣ довольно непрочно и, дорожа поддержкой церкви, долженъ былъ оказывать ей всяческое вниманіе. За католицизмомъ вполне упрочилось значеніе государственной религіи. Король, любившій называть себя старшимъ сыномъ церкви, часто со всею семьей показывался народу въ церковныхъ процессіяхъ съ свѣчами въ рукахъ. Придворные усердно подражали. Старые генералы революціи, ворчавшіе на мессу, которую пришлось выстоять при коронаваніи Наполеона, теперь въ набожности соперничали со старыми женщинами. Правительство издавало законы въ угоду цер-

кви; сдѣлало обязательнымъ воскресный отдыхъ, закрыло питейныя заведенія въ часы католическаго богослуженія, передало начальное обученіе въ руки духовенства.

Парламентъ, созванный въ 1815 г. подъ давленіемъ администраціи и церкви, предался необузданной реакціи. Свобода печати и личности была сдавлена. Вводились исключительные суды, чрезвычайно строго каравшіе политическія преступленія, въ то время какъ обычныя уголовныя часто оставались вовсе не наказанными: на преслѣдованіе уголовныхъ преступниковъ правительство не находило досуга. Чрезвычайно благосклонное къ католикамъ, правительство смотрѣло сквозь пальцы на устраиваемые ими погромы протестантовъ, не обращая вниманіе на то, что реакція и погромы вызывали сильнѣйшее негодованіе въ обществѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что иностранныя державы сочли необходимымъ поставить правительству на видъ опасныя послѣдствія, къ которымъ можетъ привести его образъ дѣйствій. Людовикъ XVIII принужденъ былъ распустить палату и созвать новую.

Въ новой палатѣ большинство оказалось на сторонѣ либераловъ. Но ультрамонтаны еще чувствовали свою силу и надѣялись принудить правительство поступать по ихъ волѣ. Завязавъ между правительствомъ и папой тайныя переговоры, они выработали новый конкордатъ, который долженъ былъ воскресить въ поставленіи епископовъ порядки конкордата 1516 г., увеличить число кафедръ, замѣнить ежегодный бюджетъ культовъ церковными земельными владѣніями, обязать правительство устранять всякія препятствія выполненію церковныхъ законовъ и подчинить бракъ, разводъ и другіе гражданскіе акты регламентаціи церкви. Проектированный конкордатъ не только дѣлалъ церковь независимой отъ государства, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчинялъ государство церкви.

Папа торжествовалъ; но недолго. Онъ испортилъ свое дѣло собственной неосторожностью. Конкордатъ еще не получилъ силы закона, а папа поспѣшилъ обнародовать его и при этомъ издалъ буллу, въ которой надменно третировалъ Францію, какъ провинцію папскихъ владѣній, и превозносилъ до небесъ права и привиллегіи римской церкви. Булла вызвала во Франціи общее негодованіе. Возмутилась

не только палата, но и многіе министры, отъ которыхъ проектъ держался въ секретѣ. Правительство принуждено было отказаться отъ своей затѣи. Ультрамонтаны остались крайне недовольны.

Новый поводъ къ ихъ негодованію былъ данъ закономъ о печати (17 мая 1819 г.), который, въ видѣ уступки обществу, предоставлялъ прессѣ нѣкоторую свободу. Ультрамонтаны были крайне раздражены тѣмъ, что имъ не удалось включить въ законъ статью, карающую нападки на государственную религію. Епископы открыли походъ. Въ своемъ адресѣ королю они умоляли его „отнять силу у враговъ Іисуса Христа, которые суть и его враги“, возвратити католической религіи подобающее ей уваженіе и не допускать, чтобы въ официальныхъ актахъ она смѣшивалась съ какими-нибудь сектами. Королю пришлось опять дѣлать кое-какія уступки, главнымъ образомъ потому, что было необходимо добиться отъ папы утвержденія для назначенныхъ правительствомъ епископовъ.

Вообще непрочное положеніе Людовика XVIII, не пользовавшагося въ странѣ никакой популярностью, давало церкви полную возможность эксплуатировать правительство въ своихъ цѣляхъ за ту поддержку, которую она ему оказывала.

Между прочимъ ультрамонтаны, чувствуя себя хозяевами положенія, въ цѣляхъ поддержанія и укрѣпленія истинно-католическаго образа мыслей и соответствующихъ настроеній, организовали въ странѣ своеобразные походы. Толпы странствующихъ проповѣдниковъ наводняли города и села. Ихъ проповѣдь раздавалась подъ открытымъ небомъ, въ общественныхъ мѣстахъ, на перекресткахъ улицъ, гдѣ воздвигались гигантскіе кресты и сожигались на кострахъ сочиненія энциклопедистовъ и другихъ враговъ папства и католицизма. По улицамъ городовъ и селъ двигались религиозныя процессіи, сопровождаемыя правительственными чиновниками и собиравшія огромныя толпы народа. Въ процессіяхъ многіе принуждены были участвовать противъ желанія, такъ какъ со стороны католиковъ раздавались выразительныя угрозы по адресу „безбожниковъ“, т. е. всѣхъ, кто не оказывалъ достаточнаго усердія къ католицизму.

Не довольствуясь устной пропагандой своихъ идей, ульт-

трамонтаны проникли въ печать и наводнили ее своими статьями и книгами. Въ нихъ обществу внушались религиозная нетерпимость, недовѣріе и враждебность къ либерализму. Либеральное министерство 1819 года трактовалось не иначе, какъ атеистическимъ. Борьба противъ него велась такъ ожесточенно, что министерство пало.

Вслѣдъ за этимъ ультрамонтаны добились измѣненія избирательнаго закона въ пользу крупныхъ собственниковъ и аристократіи, и новая палата (1820) оказалась такою, какую имъ хотѣлось. Она объявила крайнюю клерикальную программу. Въ своемъ адресѣ королю палата побуждала его усилить вліяніе религіи на умы населенія и очистить нравы новой системой воспитанія, проникнутой духомъ христіанства и монархизма. Король не могъ и не хотѣлъ противиться, и ордонансъ 27 февр. 1821 г. передалъ среднее образованіе въ руки церкви. Параграфъ 13-й ордонанса гласилъ, что основами воспитанія должны быть религія и монархія. Параграфъ 14-й вмѣнялъ въ обязанность епископамъ надзоръ надъ учебными заведеніями во всемъ, что касалось религіи; они получали право посѣщать школы лично или чрезъ своихъ викаріевъ и возбуждать предъ правительствомъ ходатайства о мѣрахъ, какія имъ покажутся необходимыми для насажденія преданности церкви и монархіи. Параграфъ 20-й обѣщаль золотыя медали тѣмъ преподавателямъ, которые будутъ отличатся *религіознымъ и нравственнымъ* поведеніемъ и своими успѣхами въ преподаваніи. Частныя среднія школы, находившіяся почти исключительно въ рукахъ духовенства, получали права казенныхъ.

Что касается низшаго образованія, то церковь держала его въ своихъ рукахъ при помощи ордена „братевъ христіанскихъ школъ“, школьная сѣть котораго была заброшена почти на всю страну. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что церковь владѣла почти всѣмъ начальнымъ народнымъ просвѣщеніемъ.

Если къ этому прибавить, что еще при имперіи она получила въ свое распоряженіе благотворительныя учрежденія, то окажется, что она вернула себѣ всѣ важнѣйшія средства вліянія на общество, которыми располагала во времена своего величія и на которомъ держалось ея могущество.

Въ области государственныхъ отношеній ея вліяніе было

также чрезвычайно велико. Правительство внимательно прислушивалось къ ея голосу. Не доставало только, чтобы въ ея рукахъ оказалась законодательная власть. Но и это вскорѣ было достигнуто.

Палата 1824 года была набрана изъ такихъ клерикаловъ, что, въ сущности, представляла органъ церковной власти. Ея дѣятельность была направлена прежде всего къ восстановленію правъ и привиллегій церкви. Первымъ опытомъ въ этомъ направленіи былъ законъ 20 апр. 1824 г., отодвигавшій Францію въ глубь среднихъ вѣковъ, ко временамъ инквизиціи. Онъ устанавливалъ смертную казнь за совершенное публично кощунство. Депутаты изъ духовенства, участвовавшіе въ голосованіи, постарались умыть себѣ руки, объявивъ, что они не считаютъ себя въ правѣ примѣнять законъ, хотя въ правѣ вотировать его. Отцы депутаты довольно удачно подражали въ этомъ случаѣ святымъ отцамъ инквизиціи, которые, осудивъ еретика на казнь и передавъ его въ руки свѣтскихъ властей для выполненія ихъ приговора, воображали себя непричастными къ пролитію человѣческой крови.

Особенную злобу ультрамонтанъ возбуждало высшее свѣтское образованіе и прежде всего его вождь—исконный врагъ клерикализма—университетъ. Подъ давленіемъ ультрамонтанъ, правительство издало циркуляръ членамъ университета, наполненный угрозами по ихъ адресу. „Кто имѣетъ несчастіе жить безъ религіи и не быть преданнымъ королевской фамиліи, говорилось въ циркулярѣ, тотъ долженъ отлично чувствовать, что ему чего-то недостаетъ, чтобы быть достойнымъ наставникомъ юношества“. Клерикалы печатно обвиняли профессоровъ въ безнравственности, въ развращеніи молодежи, и въ своихъ наставленіяхъ къ благочестивымъ католикамъ величали университетъ разсадникомъ атеизма и преддверіемъ ада. Правительство усердно закрывало всякіе курсы и школы, если они не питали достаточной преданности католицизму и монархіи. Изъ медицинской школы были уволены двѣнадцать профессоровъ за то, что студенты осvistали какого-то архимандрита. Вездѣ, гдѣ было можно, кафедры замѣщались монахами и священниками. Во главѣ университета стоялъ епископъ. Впрочемъ, университетъ какъ былъ, такъ и остался пугаломъ для клерикаловъ,

и они охотно стерли-бы его съ лица земли, если-бы это было въ ихъ силахъ.

Либеральная печать несла участь, общую со всѣми просвѣтительными учрежденіями. Цензура свирѣпствовала. Наказанія налагались за ничтожные проступки и были суровы за болѣе важныя. Оскорбленіе государственной религіи влекло тюремное заключеніе отъ трехъ мѣсяцевъ до пяти лѣтъ и штрафъ отъ 300 до 6000 франковъ. „Политическія преступленія“ печати карались жестоко; судебныя преслѣдованія редакторовъ возникали ежеминутно. Преслѣдовались даже такія сравнительно невинныя вещи, какъ пѣсни Беранже; объ изданіи энциклопедистовъ нельзя было и думать.

Въ то-же время клерикальная пресса, пользовавшаяся не только свободой, но и поддержкой правительства, безпрепятственно развивала на столбцахъ газетъ и журналовъ свою программу. Провозгласивъ вѣротерпимость преступленіемъ противъ божественнаго закона, она требовала легализованныхъ привилегій для католическаго культа, передачи регистраціи гражданскихъ актовъ въ руки духовенства, уничтоженія гражданского брака, закрытія навсегда университета, полной свободы для монашескихъ орденовъ. Послѣдній пунктъ былъ для ультрамонтанъ предметомъ особенно горячихъ желаній, такъ какъ ордена всегда служили для папства самой надежной арміей. Но стремленіемъ вернуть монахамъ ихъ прежнее господствующее положеніе во Франціи ультрамонтаны допустили такую грубую ошибку, которая погубила ихъ дѣло.

Народъ ненавидѣлъ іезуитовъ; буржуазія ихъ боялась; умѣренные роялисты завидовали вліянію, которымъ они уже овладѣли, не смотря на то, что ихъ пребываніе въ странѣ только терпѣлось, но не было легализовано. Поддерживать монаховъ и въ частности іезуитовъ значило вызывать недовольство общества. Но правительство, идя на встрѣчу клерикаламъ, изготовило въ 1825 г. законопроектъ, предоставлявшій королю право утверждать женскія общины и разрѣшать имъ приобрѣтать покупкой или завѣщаніемъ недвижимую собственность. Если-бы проектъ прошелъ, то, несомнѣнно, вскорѣ его распространили-бы и на мужскія конгрегаціи. Но палата рѣшительно отвергла проектъ, и законъ 2 іюня 1825 года предоставилъ королю разрѣшить существованіе

лишь тѣхъ женскихъ общинъ, которыя появились до 1 января 1825 г.; для всѣхъ вновь возникающихъ требовался уже не королевскій ордонансъ, а вотированный палатой законъ. Во всякомъ случаѣ, около 1800 общинъ получили утверженіе. Это было крупной побѣдой для церкви, но побѣдой—наканувъ пораженія.

Происки и насилія ультрамонтанъ вывели общество изъ терпѣнія, и его негодование перешло въ громкій протестъ. Общество требовало закрытія іезуитскихъ коллегій, изгояло проповѣдниковъ, протестовало противъ злоупотребленій властью со стороны епископовъ, не стѣснявшихся вывѣшивать на церковныхъ дверяхъ списки лицъ, находящихся внѣ общенія съ церковью или живущихъ въ конкубинатѣ, какъ они называли гражданскій бракъ. Король (Карль X) и его семейство осмѣивались за лицемѣрную набожность. Оппозиціонное настроеніе было настолько сильно, что ультрамонтаны потеряли въ палатѣ большинство, и вскорѣ правительство принуждено было, по настоянію либеральной палаты, издать указъ противъ іезуитскихъ общинъ.

Но вслѣдъ за этимъ Карль X повернулъ въ сторону реакціи. Давъ отставку либеральнымъ министрамъ, онъ поставилъ у власти Полиньяка, ненавистнаго Франціи ханжуреакціонера. Было ясно, что король объявляетъ войну либерализму и хочетъ управлять страной не при помощи парламента, а своими ордонансами, т. е. хочетъ замѣнить власть закона произвольными королевскими указами. Оппозиція рѣшила бороться за свободу и конституцію; печать объявила войну „возсѣвшей на престолѣ реакціи“. Созванная въ мартѣ 1830 г. палата въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь короля требовала удаленія Полиньяка. Но Карль X отказалъ даже въ приѣмѣ депутаціи, посланной отъ палаты съ адресомъ, и объявилъ, что его рѣшенія неизмѣнны. На слѣдующій день палата была объявлена распущенной. Монархисты и клерикалы предались необузданной радости. Полиньякъ увѣрялъ короля, что хотя въ странѣ замѣчается нѣкоторое политическое волненіе, но оно ограничивается небольшою кучкой людей, интересы которыхъ заставляютъ ихъ вмѣшиваться въ политику; что народная масса не участвуетъ въ агитаціи, а занимается своими дѣлами. Карль X остался при своемъ безразсудномъ рѣшеніи, въ чемъ потомъ горько рас-

кался. Новые выборы въ іюнѣ дали палату, очень враждебную правительству; а когда въ іюлѣ король попробовалъ издать сразу пять ордонансовъ, которыми уничтожалъ свободу печати, распускалъ новую еще не собравшуюся палату, измѣнялъ въ реакціонномъ смыслѣ избирательный законъ и назначалъ въ государственный совѣтъ нѣсколькихъ крайнихъ клерикаловъ, вспыхнула іюльская революція (1830), отнявшая у него королевскую корону.

Вмѣстѣ съ паденіемъ правительства Карла X поколебалось и положеніе католической церкви.

Можно считать, что въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ предъ іюльской революціей (1820—1830) Франціей правила церковь, такъ какъ король и министры были только послушнымъ орудіемъ въ ея рукахъ. Кажется, она располагала всѣми средствами—политической властью, вліяніемъ на общество, богатствами, чтобы сдѣлать свое положеніе непоколебимымъ. Но за время своего десятилѣтняго владычества она показала себя такимъ ожесточеннымъ врагомъ свободы и прогресса и такой грубо-эгоистичной въ преслѣдованіи своихъ личныхъ цѣлей, что успѣла возстановить противъ себя все общество и подготовить свое собственное паденіе. Самые ярые и близорукіе ультрамонтаны должны были понять, что время владычества церкви надъ государствомъ миновало, что теперь нельзя превратить въ слѣпое орудіе папы даже монархію, разъ она принуждена дѣлится свою власть съ парламентомъ. Въ самомъ дѣлѣ, власть теперь воплощалась не въ одномъ или немногихъ лицахъ, какъ это было въ старой монархіи или наполеоновской имперіи; слѣдовательно, чтобы хозяйничать въ странѣ, стало необходимымъ подчинить своему вліянію не только короля и министровъ, но депутатовъ и избирателей, другими словами, всю страну.

Не отказавшись отъ надежды править государствомъ, церковь, послѣ революціи 1830 г., поставила себѣ цѣлью овладѣть голосами избирателей и преслѣдовала ее въ теченіе всего восемнадцатилѣтняго существованія конституціонной монархіи Луи-Филиппа (1830—1848). Такъ какъ система насилій, которой до сихъ поръ пользовалась церковь, привела ее къ плачевнымъ результатамъ, и такъ какъ народъ, вернувъ себѣ свободу, хотѣлъ слушать лишь тѣхъ, кто говорилъ во имя ея, то клерикалы рѣшили дѣйствовать подѣ

флагомъ свободы. Опираясь на нее, они потребовали *свободы воспитанія*, рассчитывая, не безъ основаній, что воспитаніе подчинить имъ все общество. Особое ихъ вниманіе привлекало юношество буржуазныхъ классовъ, и это потому, что въ силу высокаго имущественнаго ценза для избирателей, политическое значеніе въ государствѣ принадлежало только буржуазіи. Епископы и священники, монахи и монахини, ультрамонтаны и всѣ ревнители католицизма начинаютъ ухаживать за буржуазной молодежью, завлекая ее въ свои учебныя заведенія. Правительство не стѣсняло ихъ дѣятельности, такъ какъ Луи-Филиппъ держался по отношенію къ церкви мудраго принципа невмѣшательства, твердо убѣжденный на основаніи горькаго опыта своихъ предшественниковъ, что „не слѣдуетъ никогда совать носа въ церковныя дѣла; иначе онъ тамъ и останется“. Съ своей стороны буржуазія, хотя и не питала ни малѣйшей привязанности къ клерикализму, но находила церковь полезной для себя опорой и потому ничего не имѣла противъ роста ея вліянія. И церковь росла на свободѣ. Никогда правительство не было такъ слабо по отношенію къ ней, какъ въ данное время, хотя, опасаясь либераловъ, въ области законодательства оно не дѣлало ей никакихъ уступокъ. Семнадцать лѣтъ подрядъ министры Луи-Филиппа обѣщали ей передать въ ея руки среднее образованіе и ни разу не сдѣлали даже попытки осуществить обѣщаніе законодательнымъ путемъ. Но зато они смотрѣли сквозь пальцы на быстрое размноженіе ея просвѣтительныхъ общинъ и ихъ учрежденій. Съ 1830 по 1842 г. возникло болѣе 200 новыхъ женскихъ конгрегацій. Лазаристы имѣли болѣе 400 заведеній; іезуиты давали среднее образованіе значительной части буржуазной молодежи; почти всѣ начальныя школы для дѣвочекъ и многія для мальчиковъ были въ рукахъ конгрегацій. Нѣкоторыя общины были такъ малы, что правительство даже не подозрѣвало о ихъ существованіи; но ихъ становилось такъ много и онѣ дѣйствовали такъ энергично, что общество, въ концѣ концовъ, обратило на нихъ вниманіе. Уступая общественному недовольству, правительство въ 1834 г. провело въ палатѣ законъ, каравшій составленіе безъ разрѣшенія правительства ассоціацій съ числомъ членовъ болѣе двадцати. Но во всякомъ случаѣ, въ рукахъ церкви было достаточное количе-

ство орденовъ, общинъ и учебныхъ заведеній, съ успѣхомъ поддерживавшихъ въ странѣ ея вліяніе.

Чтобы упрочить его, церкви оставалось выполнить свою вторую задачу: подорвать авторитетъ университета и свѣтскаго образованія. Борьба съ университетомъ началась съ изданія цѣлаго ряда направленныхъ противъ него памфлетовъ, книгъ и брошюръ. Епископы, священники и монахи въ своихъ проповѣдяхъ громили свѣтскую науку безпощадно. Одинъ изъ епископовъ называлъ университетскія заведенія школами разврата; другой обвинялъ профессоровъ Сорбонны въ томъ, что они обучаютъ юношество воровству, ниспроверженію общества, отцеубійству и наиболѣе постыднымъ порокамъ и „превращаютъ дѣтей въ нечистыхъ животныхъ и дикихъ звѣрей“. Аббатъ Desgarets написалъ въ этомъ духѣ цѣлую книгу, которую многіе епископы рекомендовали вѣрующимъ для чтенія. Упрекая университетъ въ отсутствіи христіанскаго направленія, аббатъ говорилъ объ университетскомъ преподаваніи философіи и морали: „по ученію университета, нѣтъ больше ни порока, ни несправедливости, нѣтъ грѣха во всѣхъ такихъ поступкахъ (отцеубійствѣ, челоукоубійствѣ, дуэли, воровствѣ, прелюбодѣянніи и т. д.), какъ нѣтъ грѣха для огня жечь, для воды затоплять, для льва рычать, для козловъ и козъ Теоокрита—служить образцемъ ихъ братьямъ изъ Collège de France и Нормальной Школы и многочисленнымъ ихъ питомцамъ“. Болѣе умѣренные прелаты не отрицали, что въ университетѣ найдется нѣсколько добрыхъ католиковъ, но оспаривали, чтобы онъ могъ быть наставникомъ морали и религіи, а отсюда выводили необходимость передачи образованія въ руки церкви. Правительство относилось пассивно къ этимъ нападкамъ, продолжало обѣщать клерикаламъ среднюю школу и оставляло обѣщанія невыполненными. Дѣло кончилось для него плохо: оно оттолкнуло отъ себя церковь и не сумѣло привлечь либераловъ. Растерявъ всѣхъ своихъ союзниковъ, въ моментъ новой революціи (1848) оно оказалось совершенно одинокимъ. Революція покончила съ конституціонной монархіей легко и быстро.

Церковь не имѣла повода особенно печалиться объ ея гибели. Отложивъ въ сторону свою прежнюю преданность монархическому принципу, епископы привѣтствовали вторую

республику съ чувствомъ полнаго удовлетворенія. Епископъ Дижона, забывая, что онъ обязанъ своей митрой королевѣ, обратился съ посланіемъ къ своему клиру, гдѣ писалъ: „правительство 1830 года снесено бурей, подобной той, изъ нѣдръ которой вышло оно само. Тотъ, Кто царствуетъ на небесахъ и возвышаетъ царства, еще разъ далъ народамъ и королямъ страшный урокъ. Всякая власть, пренебрегающая общими интересами страны, никогда не будетъ въ состояніи укорениться въ ней. Всякое правительство, пытающееся остановить прогрессивное развитіе общественной свободы, будетъ рано или поздно снесено потокомъ идей и законныхъ потребностей, который непрерывно вздымается и которымъ можно управлять, лишь расчищая ему свободное и спокойное теченіе“. Одна изъ крайнихъ ультрамонтанскихъ газетъ (Универсъ) писала: „республика—это откровеніе Промысла. Кто же теперь во Франціи помышляетъ о защитѣ монархіи? Кто можетъ помышлять о ней? Франція только воображала себя монархической; въ дѣйствительности она была республиканской“. Клерикальная пресса усиленно толковала о созданіи учреждений въ духѣ республиканской свободы. Въ праздникъ насажденія деревьевъ Свободы населеніе не только деревень, но и столицы приглашало епископовъ и священниковъ благословить посадки. Въ епископскихъ посланіяхъ развивалась мысль, что самъ Богъ въ евангеліи освятилъ великіе принципы свободы, равенства и всеобщаго братства; и что республика призвана создать въ духѣ этихъ принциповъ истинно-національное правительство. Даже папа сталъ популярнымъ во Франціи. Нужно имѣть въ виду, что папскій престолъ только что занялъ Пій IX, отъ котораго Италия ожидала либеральныхъ реформъ.

Клерикализмъ достигъ своей цѣли. Въ теченіе восемнадцатилѣтняго существованія конституціонной монархіи Луи-Филиппа духовенство, ультрамонтаны, самъ папа такъ громко говорили о свободѣ, такъ усердно требовали ея, что народъ повѣрилъ въ ихъ искренность. Это довѣріе окрѣпло еще болѣе, когда церковь, послѣ революціи 1848 г., встрѣтила республику и ея всеобщее избирательное право съ распростертыми объятіями и благословеніями. Духовенство приобрѣло среди народа большое довѣріе, благодаря чему сыграло въ выборахъ 23 апр. 1848 г. очень крупную роль. Во

многихъ мѣстахъ священники сами подводили избирателей къ урнамъ послѣ обѣдни. Кандидаты, противъ которыхъ высказалась церковь, были вездѣ забаллотированы. Въ результатѣ, учредительное собраніе оказалось составленнымъ изъ депутатовъ, хотя настроенныхъ республикански, но въ то-же время полныхъ уваженія къ церкви; а его президентомъ былъ избранъ самый благочестивый католикъ. Конечно, новая конституція дала клерикаламъ то, чего они желали: подтвердила свободу культовъ и провозгласила свободу обученія.

Свобода культовъ устанавливалась въ такихъ выраженіяхъ: „каждый свободно исповѣдуетъ свою религію и при отправленіи своего культа пользуется одинаковымъ покровительствомъ государства. Священнослужители культовъ, какъ, признанныхъ закономъ въ настоящее время, такъ и тѣхъ, которые будутъ признаны въ будущемъ, имѣютъ право на казенное содержаніе“. Это значило, что правительство принимало какъ конкордаты 1801 г., такъ и бюджетъ культовъ.

Что касается обученія, то 9 статья конституціи гласила: „обученіе свободно“. Этого и было нужно клерикаламъ. Правда, законъ ставилъ школу подъ контроль государства; но послѣдній могъ быть имъ непріятенъ лишь въ томъ случаѣ, если-бы правительство оставалось искренне-республиканскимъ. Къ радости клерикаловъ, этого не было. 10 декабря 1848 г. президентомъ республики былъ избранъ Луи-Бонапартъ, не питавшій ни малѣйшей преданности принципамъ республиканской свободы; а майскіе выборы 1849 г. наводнили законодательное собраніе клерикалами и врагами республики. Церкви представлялся удобный случай поддержкой честолюбивыхъ плановъ президента и реакціонныхъ стремленій собранія купить ихъ полное содѣйствіе. Этимъ случаемъ она прекрасно воспользовалась. Ей удалось привлечь на свою сторону Адольфа Тьера, расчитывавшаго съ ея помощью занять президентское кресло послѣ Бонапарта, и ввести въ министерство яраго ультрамонтана—Фаллу.

При ближайшей помощи этихъ двухъ лицъ, клерикалы провели школьный законъ 15 марта 1850 г., извѣстный подъ именемъ закона Фаллу, который отдавалъ въ руки церкви какъ среднюю, такъ и низшую школу.

Законопроектъ былъ составленъ ультрамонтанами и сколько не скрывалъ истинныхъ намѣреній авторовъ. Ихъ цѣль была формулирована ясно: борьба съ демократическими, социалистическими и антиклерикальными идеями и настроеніями. „Когда общество въ его цѣломъ, говоритъ законопроектъ, съ его религіей, его нравами, его наиболѣе дорогими интересами, его святыми и вѣчными законами, подверглось дерзкимъ и непрерывнымъ нападкамъ, ... тогда всѣ благоразумные люди и искренніе друзья отечества поняли, что необходимо собрать всѣ нравственныя силы страны и всѣмъ тѣсно объединиться, чтобы дать битву и сразить общаго врага, который, одержавъ побѣду, не пощадилъ - бы никого“. Отразивъ въ этихъ строкахъ страхъ владычествующей буржуазіи предъ нарождающейся демократіей, законопроектъ далѣе, въ вопросѣ объ обученіи, недвусмысленно высказывается противъ народнаго просвѣщенія и съ сожалѣніемъ говоритъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя до сихъ поръ принимались въ цѣляхъ его развитія. Нормальныя школы (учительскія семинаріи) ему крайне несимпатичны. Съ одной стороны, ему не нравится совершенно *безполезная* и даже *вредная* широта ихъ программы: „повѣрить-ли кто, восклицалъ законопроектъ, что тамъ обучаютъ логарифмамъ, алгебрѣ, тригонометріи, космографіи съ ея астрономическими теоріями; что тамъ даются не элементарныя и обычныя свѣдѣнія, а полные курсы физики, химіи и механики?“ Съ другой стороны, онъ неудовлетворенъ недостаточностью въ стѣнахъ нормальныхъ школъ религіозно-нравственнаго воспитанія.

Свѣтское просвѣщеніе, рассадникомъ котораго оставался университетъ, признано въ законопроектѣ негоднымъ. Такъ какъ оно, не смотря на преграды, все-таки распространялось въ обществѣ широкой волной, то законопроектъ обрушивается съ негодованіемъ и на наставниковъ, и на правителей, допускающихъ подобное безобразіе, упрекаетъ тѣхъ и другихъ въ безразсудной погонѣ за новшествами, въ слѣпомъ подражаніи примѣру другихъ странъ, вовсе не приложимому къ Франціи.

Убѣжденный въ превосходствѣ церковнаго просвѣщенія, законопроектъ облегчаетъ доступъ въ школы для него и закрываетъ двери для свѣтскаго. Существовавшій ранѣе законъ (1833 г.) требовалъ отъ конгреганистовъ, желавшихъ

хомъ, и мотивировала его право на тронъ тѣмъ, что въ его правленіе совершено множество великихъ дѣлъ въ пользу церкви. Указывая на достигнутую свободу обученія, на восстановленіе свѣтской власти папы, возвращеніе церкви полноты ея авторитета, необыкновенное размноженіе ея учебныхъ заведеній, конгрегацій и благотворительныхъ учреждений, клирическая печать признавала, и вполнѣ справедливо, что едва-ли при другомъ режимѣ было-бы возможно столь успѣшное развитіе церковнаго могущества. Оффиціальныи ультрамонтанскій органъ (Универсъ) заклиналъ всѣхъ голосовать при плебисцитѣ за Луи-Наполеона. Съ своей стороны и Бонапартъ, возбудившій совершеннымъ имъ государственнымъ переворотомъ общую ненависть либераловъ, принужденъ былъ идти на дальнѣйшія сближенія съ клириками. Сближеніе неизбѣжно сопровождалось новыми уступками правительства церкви. Въ январѣ 1852 г. былъ отмѣненъ, хотя и не формально, законъ 1825 г. о женскихъ конгрегаціяхъ, стѣснявшій ихъ развитіе. Не рѣшаясь предоставить подобныя-же льготы мужскимъ общинамъ, правительство Бонапарта смотрѣло сквозь пальцы на размноженіе ихъ учреждений, чѣмъ монахи умѣли прекрасно пользоваться.

Въ то-же время церковь энергично и успѣшно развивала свою дѣятельность въ области народнаго просвѣщенія. Уже къ 1854 г. число вольныхъ среднихъ школъ возросло съ 914 до 1081 и число учащихся съ 53000 до 63657, при чемъ около 45000 учениковъ приходилось на церковныя учебныя заведенія.

Университетъ былъ въ загонѣ и, подѣ строгимъ правительственнымъ контролемъ и ожесточеннымъ натискомъ клириковъ, влчилъ жалкое существованіе. Многие изъ видныхъ профессоровъ покинули службу, не желая присягнуть имперіи. Другіе оставались лишь по нуждѣ. Много университетскихъ должностей какъ административныхъ, такъ и по учебному отдѣлу было отдано священникамъ. Факультеты, лишенные декретомъ 9 марта 1852 г. всякой независимости, притихли. Между тѣмъ, опираясь на правительственную поддержку, монахи открывали вольныя высшія школы, гдѣ предлагали юношеству высшее образованіе въ духѣ католицизма.

Энергично работали конгрегаціи и въ дѣлѣ общественной

благотворительности, стараясь открытіемъ богадѣленъ, больницъ и другихъ полезныхъ учрежденій сдѣлать церковь популярной въ широкихъ народныхъ массахъ. Можно сказать, что когда вторая имперія поднялась до апогея своего могущества, и церковь достигла расцвѣта.

Союзъ между имперіей и церковью казался очень прочнымъ. Епископы и священники были самыми надежными въ интересахъ правительства вождями избирательныхъ компаній и наиболѣе ревностными полицейскими агентами. Конгрегации поддерживали имперію всѣми внушительными средствами, какими онѣ располагали. Въ палаты проводились лишь правительственные кандидаты. Большая часть народа, послушная голосу своего духовенства, всегда голосовала по его указкѣ. Императоръ могъ воображать, что онъ овладѣлъ сердцемъ церкви, такъ долго непокорявшимся цѣлому ряду правительствъ, и надѣяться оставаться съ ея помощью полнымъ хозяиномъ страны. Но ненарушимыхъ связей въ мірѣ не существуетъ, въ чемъ императоръ вскорѣ убѣдился.

Церковь первая нарушила миръ и согласіе. Когда Наполеонъ III въ 1854 г. выразилъ желаніе, чтобы папа прибылъ въ Парижъ короновать его императорскою короной, папа не безъ ироніи отвѣчалъ, что ему немисливо оставить Римъ, и что будетъ гораздо лучше, если Бонапартъ послѣдуетъ примѣру Карла Великаго, который самъ путешествовалъ въ Римъ за короной. Впрочемъ, папа, пожалуй, непрочъ прибыть и въ Парижъ, но подъ условіемъ, что императоръ отмѣнитъ нѣкоторыя непріятныя палѣ статьи конкордата, сдѣлаетъ обязательнымъ для своихъ подданныхъ воскресный отдыхъ и подчинитъ гражданскій бракъ церковному. Подобное условіе было насмѣшкой. Принять ихъ для Наполеона III значило вызвать несомнѣнное возстаніе либераловъ и подвергнуть риску свою корону: Францію можно было одѣть на нѣкоторое время въ монашескую рясу, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она этого не замѣчала.

Поддерживаемые папой клерикалы вскорѣ потеряли всякую мѣру въ своихъ притязаніяхъ. Ультрамонтанская печать требовала, чтобы церковный бракъ былъ сдѣланъ обязательнымъ до совершенія гражданскаго. По этому поводу правительство было вынуждено заявить официально, что никакихъ измѣненій въ гражданскомъ кодексѣ не послѣдуетъ. Клерик-

калы не унимались. Они начинаютъ нападать на основные принципы государственнаго порядка. Между прочимъ, въ духовныхъ семинаріяхъ они вводятъ преподаваніе доктрины, осуждающей принципъ народнаго суверенитета (верховой власти народа въ государствѣ), на которомъ покоились всѣ правительства Франціи со временъ великой революціи. Далѣе начинается борьба противъ всеобщаго избирательнаго права. Позабывъ, что они сами пользовались этимъ правомъ, когда имъ было нужно провести Луи-Бонапарта на императорскій тронъ, клерикалы требуютъ теперь его отміны, какъ несогласнаго съ папскимъ ученіемъ, по которому единственнымъ источникомъ власти признается Богъ, а никакъ не народъ. Къ этому требованію они присоединяютъ новое: запрещеніе обсуждать въ печати религіозные вопросы.

Либералы отвѣтили, въ концѣ концовъ, энергичнымъ протестомъ, требуя отъ правительства уваженія къ принципамъ 1789 года и къ свободѣ совѣсти. Газета *Siècle* шла впереди антиклерикальнаго движенія. Когда клерикалы настаивали предъ правительствомъ на ея закрытіи на томъ, между прочимъ, основаніи, что она отрицала мнимое явленіе Богородицы въ Салеттѣ, газета отвѣчала: „мы будемъ продолжать оспаривать салеттское чудо, его подлинность; и мы увидимъ, кто заслужилъ цензуру гражданскихъ властей и всѣхъ честныхъ людей, кто содѣйствовалъ обману и лжи“. Епископъ пуатьесскій объявилъ *Siècle* оффиціальнымъ органомъ ада и взывалъ о репрессіяхъ противъ него. Въ отвѣтъ Журданъ апеллировалъ къ общественному мнѣнію страны. „Такъ какъ духовенство, говорилъ онъ, не перестаетъ стремиться къ всеобщему владычеству, мы не должны прекращать борьбу съ нимъ. Всякій, кто имѣетъ честь быть писателемъ и не возстаетъ противъ этого упорнаго стремленія, нарушаетъ свой долгъ и измѣняетъ дѣлу прогресса, дѣлу народа“.

Въ борьбѣ клерикаловъ съ либералами положеніе Наполеона III оказалось чрезвычайно невыгоднымъ. Ему приходилось выбирать между той и другой стороной, и онъ по нялъ, какую ошибку допустилъ, выдавая себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ папству. Теперь ему предстояло или выдерживать оппозицію либераловъ, если онъ сохранить союзъ съ церковью, или быть ниспровергнутымъ церковью, если онъ перейдетъ на сторону либераловъ. Затруднитель-

ность положенія увеличилась съ тѣхъ поръ, какъ Пьемонтъ всталъ во главѣ объединенной Италіи. Викторъ-Эммануиль, союзникъ Наполеона III, изъявилъ непреклонное желаніе сдѣлать Римъ своей столицей; а папа, тоже другъ и союзникъ Бонапарта, требовалъ отъ него, чтобы онъ спасъ ему Римъ и свѣтскую власть. Злополучный императоръ бросался изъ стороны въ сторону, то поддерживая Викторъ-Эммануила, то помогая папѣ. Наконецъ, папа, раздраженный пораженіями своихъ войскъ и потерей части своихъ владѣній въ 1860 г., забывъ всѣ услуги, оказанныя ему императоромъ, объявилъ его предателемъ церкви. Этого было достаточно, чтобы вся церковь, духовенство и монашество обрушились ожесточенно на своего прежняго друга и союзника. Епископъ пуатьесскій писалъ по адресу Наполеона III: „умывай свои руки, Пилать! Потомство отвергнетъ твое оправданіе. Одинъ человѣкъ стоитъ у позорнаго столба во вселенскомъ символѣ вѣры, отмѣченный клеймомъ богоубійцы. Это не Иродъ, не Каиафа, не Иуда, а Понтій Пилать; и это по справедливости. Иродъ, Каиафа и Иуда принимали участіе въ преступленіи; но въ концѣ концовъ, ничего не было-бы достигнуто безъ Пилата. Пилать могъ спасти Христа, и безъ Пилата нельзя было предать Христа смерти“. Императору оставалось сносить оскорбленія, пока, наконецъ, его [неблагоразумная политика не привела его имперію къ разгрому и гибели. Третья республика, не связанная услугами церкви, могла перестроить свои отношенія къ ней на новыхъ началахъ.

Свѣтская и духовная власть папства.

Въ исторіи Европы свѣтская власть папы сыграла видную, но далеко не всегда благодѣтельную для народовъ, роль. Въ частности для Франціи ликвидація папскаго государства во второй половинѣ XIX в. стоила огромныхъ жертвъ и послужила однимъ изъ крупныхъ поводовъ къ разрыву съ церковью.

Съ того момента, когда Константинъ Великій перенесъ столицу изъ Рима въ Византію, у епископовъ римскихъ обнаруживается стремленіе занять вакантный западный престолъ. Въ эпоху упадка и разрушенія имперіи историческія условія крайне благоприятствовали росту вліянія всего вообще

западнаго епископата. Слабость власти правительственныхъ чиновниковъ въ городахъ Италіи и Галліи открывала епископамъ широкую возможность занять видное мѣсто въ муниципальной администраціи, захватить въ свои руки судебную власть, народное просвѣщеніе и общественную благотворительность. Съ установленіемъ феодальнаго строя, епископы начинаютъ подражать во всемъ свѣтскимъ сенъерамъ и выступаютъ въ качествѣ настоящихъ государей, въ широкихъ размѣрахъ пользующихся всѣми прерогативами свѣтской власти. Епископы Рима не имѣли никакихъ побужденій поступать иначе, чѣмъ весь западный епископатъ. Даже болѣе: ихъ положеніе, какъ епископовъ столицы, представляло лишній соблазнъ и давало возможность захватить свѣтскую власть. Обстоятельства складывались для нихъ такъ благоприятно, что эта власть легко далась имъ въ руки, и папы кончили тѣмъ, что объявили себя законными преемниками императоровъ. До VIII вѣка они еще признавали верховную власть Константинополя; но въ царствованіе Льва Исавра между Византіей и Римомъ произошелъ окончательный разрывъ, ближайшимъ поводомъ къ которому послужилъ эдиктъ Исавра объ уничтоженіи иконопочитанія. Возмущенное итальянское духовенство и населеніе изгнали нѣсколькихъ императорскихъ чиновниковъ, еще остававшихся на полуостровѣ, и Римъ былъ обращенъ въ республику съ папой въ качествѣ государя во главѣ. Византія была слишкомъ слаба, чтобы силой принудить Италію къ подчиненію, и разрывъ сталъ окончательнымъ.

Папа оказался хозяиномъ Запада. Противъ опасности, угрожавшей со стороны лонгобардовъ, занявшихъ сѣверную часть полуострова, папы сумѣли обезпечить себя союзомъ съ франкскими королями. А чтобы укрѣпить свои права на свѣтскую власть въ Италіи, они воспользовались рядомъ подложныхъ документовъ, подтверждавшихъ эти мнимыя права, и прежде всего—подложнымъ завѣщаніемъ Константина Великаго, въ которомъ будто-бы императоръ уступалъ Италію власти римскаго епископа. Такими-же документами папы въ широкой мѣрѣ пользовались и для возвышенія своего авторитета надъ епископатомъ. При общемъ невѣжествѣ того времени подобныя средства дѣйствовали успѣшно, и съ VIII по XIII в. авторитетъ папъ на Западѣ стоитъ чрезвычайно высоко.

Его возвышенію способствовали немало и сами свѣтскіе государи. Считааясь съ крайней религіозностью народныхъ массъ, они принуждены были преклоняться предъ папами и искать у нихъ подтвержденія своихъ правъ на корону. Это давало папамъ возможность играть роль повелителей надъ королями. На этой почвѣ въ періодъ времени отъ Григорія VII (1073—1085) до Бонифація VIII (1294—1303) у папъ выростали мечты создать федерацію европейскихъ государствъ подъ своимъ собственнымъ главенствомъ. Власть только надъ Италіей ихъ уже не удовлетворяетъ, и папы заявляютъ претензію стать во главѣ всѣхъ христіанскихъ странъ. Григорій VII писалъ испанскому государю, что королевство испанское есть собственность Петра, принадлежащая только святому престолу и никому другому; „ибо все, что однажды стало собственностью церкви, никогда не перестанетъ принадлежать ей“. Та-же мысль развита имъ въ письмахъ къ королю Венгріи и вѣмцкимъ князьямъ. Онъ раздавалъ государямъ троны, какъ ихъ верховный властелинъ. Между прочимъ онъ писалъ русскому князю Изяславу, сыну Ярослава Мудраго, который въ борьбѣ съ своими братьями искалъ помощи у Польши и Рима: „вашъ сынъ прибылъ къ намъ и объявилъ, что онъ желалъ бы получить свое царство отъ насъ, какъ даръ св. Петра, съ принесеніемъ намъ присяги; онъ насъ увѣрилъ, что вы одобряете его просьбу. Находя ее вполне правильной, мы дали ему ваше царство отъ имени св. Петра“. Наболѣе ярко основная мысль, руководившая папой, выражена имъ въ письмѣ къ епископу Меца: „если святой престоль получилъ отъ Бога власть судить дѣла духовныя, почему ему не судить также и дѣла свѣтскія? Когда Богъ сказалъ св. Петру: паси овцы моя, сдѣлалъ-ли Онъ исключеніе для королей?“ И папы рѣшительно и послѣдовательно проводили въ жизнь излюбленную теорію своего главенства надъ свѣтскими государями и всѣмъ христіанскимъ міромъ. До Иннокентія III (1198—1216) Папы носили титулъ намѣстниковъ Петра; Иннокентій объявилъ себя намѣстникомъ Христа, представителемъ Бога на землѣ. Григорій IX утверждалъ, что папа—учитель и государь всего міра. Бонифацій VIII (1294—1303) въ своей буллѣ *Unam sanctam* осуждалъ, какъ ересь, новую, разглашаемую королями теорію, что свѣтская власть, въ своей сферѣ, независима

отъ духовной, и излагалъ знаменитую теорію о двухъ мечяхъ, врученныхъ Богомъ папѣ. Но религіозность народныхъ массъ настолько пала, что булла вызвала во Францію только смѣхъ; а французскій король не побоялся наложить на папу руки, чтобы заставить его замолчать. Со смертью Бонифація папскія мечты о европейской теократіи померкли навсегда. Папамъ оставалось довольствоваться свѣтской властью въ предѣлахъ Италіи. Для ея защиты имъ приходилось обращаться къ помощи то Франціи, то германской имперіи. Но всякій разъ, когда французы или нѣмцы вступали въ Италію, они дѣлали это въ своихъ собственныхъ интересахъ и во вредъ прямымъ интересамъ итальянскаго народа. Съ послѣдними папа не находилъ нужнымъ считаться.

Въ эпоху великой французской революціи Италія распалась на множество маленькихъ безсильныхъ государствъ, и папство ревниво охраняло ихъ разрозненность и слабость, предчувствуя, что ихъ объединеніе и вытекающая изъ него сила положатъ границы его притязаніямъ и вліянію. Французская революція съ ея стремленіемъ дать всѣмъ національностямъ свободу доставила св. престолу немало хлопотъ. Директорія отняла у Пія VI его владѣнія. Наполеонъ вернулъ и снова отнялъ (1809). Послѣ лейпцигской битвы онъ предлагалъ папѣ возстановить его свѣтскую власть, требуя въ отплату моральной поддержки при европейскихъ дворахъ. Но папа предвидѣлъ близкую гибель императора и, конечно, отказалъ, надѣясь вернуть Римъ безъ его содѣйствія. Такъ и случилось.

Римская революція 1848 г. еще разъ изгнала папу изъ Рима. Луи-Наполеонъ вернулъ его въ 1849 г., и съ помощью французскихъ штыковъ папа держался тамъ до 1870 г., когда его свѣтской власти былъ положенъ конецъ и, несомнѣнно, навсегда. Послѣдніе годы существованія папскаго государства создали множество крупныхъ затрудненій для національной политики итальянскаго правительства и стоили еще большихъ и бесполезныхъ жертвъ для Франціи. Творцы объединенной Италіи Викторъ-Эммануилъ I и графъ Кавуръ успѣли къ 1861 г. собрать разрозненныя части страны въ одно объединенное государство, получившее парламентарный строй. Но на свѣтломъ фонѣ возрожденія націи, начинавшей жить свободной жизнью, темнымъ пятномъ оста-

вался Римъ съ его теократическимъ монархизмомъ и нравственнымъ деспотизмомъ. Папа, окруженный французскими штыками, еще держался въ Римѣ, и пока онъ былъ тамъ, національное итальянское государство не имѣло своей естественной столицы. Въ то-же время либеральная Франція должна была со стыдомъ видѣть, что французскія войска служатъ оплотомъ папскаго государства и препятствуютъ дѣлу національнаго объединенія, дѣлу свободы итальянскаго народа. Понятно ея негодованіе противъ Наполеона III. Собственно говоря, и самъ Наполеонъ III сочувствовалъ планамъ Виктора-Эммануила. Но связанный по рукамъ и ногамъ клерикалами, онъ изъ страха къ нимъ долженъ былъ охранять папу и держать свои войска въ Римѣ. Шатаясь между либералами и ультрамонтанами и не зная, куда склонить голову, онъ хотѣлъ-бы дать удовлетвореніе сразу обѣимъ сторонамъ, хотя ихъ требованія были діаметрально противоположны. Въ 1864 г. онъ заключилъ съ Викторомъ-Эммануиломъ конвенцію, которой обязывался очистить Римъ въ двухгодичный срокъ подъ условіемъ, что у папы будетъ свое войско, что Италія обяжется уважать и защищать территоріальныя владѣнія папы и Римъ навсегда останется папскою столицей. Но такой договоръ не могъ удовлетворить ни папу, желавшаго болѣе прочныхъ гарантій для своей свѣтской власти, ни итальянское правительство, домогавшееся овладѣть Римомъ. Папа издаетъ знаменитую энциклику *Quantum curae*, въ которой лишній разъ провозглашаетъ верховенство церковной власти надъ свѣтскою и, слѣд., до нѣкоторой степени требуетъ подчиненія себѣ отъ итальянскаго короля. Съ своей стороны Викторъ-Эммануилъ втихомолку поощряетъ Гарибальди съ его дружинами завладѣть территоріею папы. Ультрамонтаны, не видя со стороны Наполеона III достаточнаго рвенія къ защитѣ папскихъ интересовъ, подняли противъ него походъ, требуя отъ него оставленія французскихъ войскъ въ Римѣ и полной поддержки для папы. Устрашенный императоръ позволилъ себѣ подкрѣпить своими полками папское войско въ битвахъ съ Гарибальди (въ 1867 г.). Дружины Гарибальди понесли пораженіе. Либеральная Франція разразилась законнымъ негодованіемъ противъ императора. Чтобы дать ей удовлетвореніе, Наполеонъ III пытается созвать для рѣшенія итальянскаго

вопроса конгрессъ державъ. Но державы не выражаютъ ни малѣйшаго желанія вмѣшаться въ это дѣло, и призывъ императора остается гласомъ въ пустынь. Во французскомъ парламентѣ идетъ ожесточенная борьба ультрамонтанъ и либераловъ. Ультрамонтаны еще очень сильны, и 5 декабря 1867 г. подъ ихъ давленіемъ Руеръ заявляетъ въ парламентѣ отъ имени французскаго правительства, что Италия никогда не завладѣетъ Римомъ. „Никогда, никогда Франція не потерпитъ такого оскорбленія для ея чести и чести католицизма!“—„Никогда, никогда!“ неистово повторяли слова Руера двѣсти клерикальныхъ депутатовъ. Это былъ формальный разрывъ съ итальянскимъ правительствомъ, не обѣщавшій и не давшій Франціи, кромѣ вреда, ровно ничего.

Спустя два съ половиной года, когда Наполеонъ III готовился объявить войну Пруссіи, Италия и Австрія склонялись къ заключенію тройственнаго союза съ Франціей, который, несомнѣнно, предотвратилъ-бы войну. Главнымъ условіемъ союза со стороны Италии ставилась передача Рима итальянскому правительству и народу. Не смотря на то, что интересы Франціи требовали уступить законнымъ желаніямъ Италии, Наполеонъ III, опасаясь раздражить церковь, отвергъ это условіе, отказался отъ союза и сдѣлалъ неизбежной несчастную войну, покрывшую Францію позоромъ, погубившую у ней двѣ провинціи, пять миллиардовъ франковъ и двѣсти тысячъ человекъ. Къ преступленію 2 декабря онъ присоединилъ новое, еще болѣе позорное. Для выполненія перваго онъ воспользовался помощью церкви; къ второму его привела сама церковь. Пій IX и французскіе ультрамонтаны предпочитали потерѣ свѣтскихъ владѣній папы войну, которая грозила залить кровью всю Европу и изъ которой, даже въ случаѣ побѣды, Франція не могла извлечь никакой пользы. Наполеонъ III и папа получили должное. Первый покрылъ себя седанскимъ позоромъ и потерялъ имперію. Второй дождался, когда послѣ Седана и удаленія французскихъ отрядовъ изъ Рима, итальянскія войска вступили въ его территорію, и въ сентябрѣ 1870 г. Римъ былъ вырванъ изъ его рукъ навсегда.

Не смотря на страшный урокъ, французскіе клерикалы и послѣ войны съ Пруссіей дѣлали неоднократныя попытки поднять Францію на защиту потерянныхъ папой; правъ и.

вернуть ватиканскому плѣннику его свѣтскія владѣнія. Попытки оставались и, очевидно, останутся навсегда безуспѣшными.

Параллельно росту свѣтской власти папъ идетъ, обычно впереди его, ростъ духовнаго авторитета папства, имѣвшій на исторію европейскихъ народовъ и въ частности Франціи не меньшее вліяніе, чѣмъ первый процессъ.

Приблизительно до V в. каждая отдѣльная церковь представляла независимое цѣлое съ полновластнымъ епископомъ во главѣ. Епископъ самостоятельно управлялъ клиромъ и паствою, былъ администраторомъ, судьей, учителемъ въ дѣлахъ вѣры и нравственности и хозяиномъ церковныхъ имуществъ. Носителемъ верховнаго авторитета надъ всѣми церквами признавался соборъ, стоявшій выше каждаго отдѣльнаго епископа. Но уже въ очень раннее время нѣкоторые іерархи, особенно на Западѣ, усвоили привычку обращаться за рѣшеніемъ догматическихъ и дисциплинарныхъ затрудненій къ столичному римскому епископу, благодаря чему авторитетъ послѣдняго начинаетъ очень быстро расти. Съ середины VI вѣка рядъ подложныхъ документовъ (лжеисидоровы декреталіи) далъ папамъ возможность утвердить свой авторитетъ надъ епископатомъ на мнимо-каноническихъ основаніяхъ, и съ этого времени папы смѣло заявляютъ претензію на полноту власти въ церкви. Однако епископы не хотятъ принять окончательное подчиненіе безъ борьбы. Если короли, связанные религіозной настроенностью народныхъ массъ, принуждены послушно внимать голосу папъ, со стороны которыхъ простой актъ отлученія отъ церкви можетъ поднять противъ нихъ народное возстаніе, то епископы оказываются въ борьбѣ съ папами въ нѣсколько лучшемъ положеніи. Они и сами обладаютъ въ глазахъ народа духовнымъ авторитетомъ, опираясь на который, въ состояніи дать отпоръ безграничнымъ претензіямъ Рима. Когда возникали между королями и папами конфликты, епископы охотно поддерживали первыхъ, какъ это было напр. во время борьбы Лотаря съ папой Николаемъ. Въ періодъ правленія великихъ папъ-автократовъ и реформаторовъ, короли окончательно сконяются предъ римскимъ престоломъ, и только епископы рѣшаются иногда выступить съ открытымъ протестомъ противъ папскаго самоволія. Позднѣе,

когда папскій авторитетъ былъ подорванъ великимъ папскимъ расколомъ, епископаты пользуются случаемъ и пытаются ограничить его еще болѣе. Констанцскій соборъ (1414) провозглашаетъ верховенство вселенскаго собора надъ папой. Его постановленіе гласило: „вселенскій соборъ, правильно созванный, представляетъ всю церковь, имѣетъ свой авторитетъ непосредственно отъ Христа, и всѣ, даже папа, обязаны повиноваться ему во всемъ, касающемся вѣры, искорененія раскола и общей реформы церкви въ ея главѣ и членахъ“. Къ сожалѣнію, думать объ ограниченіи папскаго авторитета было уже нѣсколько поздно: слишкомъ глубоко вѣдрился онъ въ теченіе пяти предшествующихъ вѣковъ въ сознаніе церкви и народныхъ массъ. Съ другой стороны, не оказали поддержки планамъ епископата короли и князья. Они предпочитали имѣть дѣло съ однимъ папой, чѣмъ съ многоголовымъ соборомъ. Благодаря этому, папы безъ особенныхъ затрудненій вернули себѣ поколебавшееся положеніе, и хотя епископаты, собравшись въ 1431 г. на Базельскомъ соборѣ, подтвердилъ констанцское постановленіе, его дѣло потерпѣло полную неудачу. Только Франціи удалось извлечь нѣкоторую пользу изъ церковнаго движенія, въ видѣ Прагматической санкціи 1438 г., которая провозглашала верховенство вселенскаго собора надъ папой, отнимала у папы каноническое утвержденіе французскихъ епископовъ и объявляла французскую церковь независимой отъ Рима. Однако санкція, повидимому, никогда не примѣнялась строго, и король фактически пользовался лишь извѣстной долей участія въ избраніи епископовъ. Тѣмъ не менѣе папы постоянно добивались отмѣны санкціи, что и удалось Льву X при заключеніи съ Францискомъ I конкордата 1516 г., возстановившаго власть папы надъ французскимъ духовенствомъ.

Французскій епископаты потеряли свободу. Но его положеніе представляло еще очень много выгодъ, чтобы не быть тягостнымъ. Въ свѣтскомъ обществѣ за нимъ оставалось вліяніе и почетъ. Къ его услугамъ были огромныя церковныя имущества. При этихъ условіяхъ можно было быть довольнымъ своей судьбой. Вотъ почему епископы остались равнодушны къ реформѣ Лютера и предоставили ему одному бороться съ Римомъ. Лишь впоследствии,

когда французскіе короли начали обнаруживать колебанія въ сторону протестантства, епископы проявляютъ безпокойство, и прежде всего о судьбѣ своихъ имуществъ. Они вспомнили, что церковная реформа въ Германіи сопровождалась секуляризацией церковныхъ владѣній, и этого было достаточно, чтобы сдѣлать ихъ, въ союзѣ съ монашескими орденами и нѣкоторыми политическими партіями, ожесточенными врагами реформации. Искусно воспользовавшись этимъ настроеніемъ, папа на Тридентскомъ соборѣ и навязалъ епископату свое верховенство. Въ послѣднемъ дѣлѣ огромную поддержку оказали папѣ монахи.

Среди всѣхъ предпріятій папства, которыми оно укрѣпляло свое положеніе, первое мѣсто, безъ сомнѣнія, принадлежитъ созданію многочисленныхъ монашескихъ орденовъ. Услуги орденовъ папѣ неисчислимы. Съ ихъ помощью папство не только распространило христіанство во многихъ странахъ, но подчинило своему вліянію все католическое населеніе Запада съ его государями и свѣтскимъ духовенствомъ. Находясь въ прямомъ распоряженіи святого престола, имѣя свое управленіе въ Римѣ, не признавая никакой другой семьи и отечества, кромѣ своего ордена, никакихъ законовъ, кромѣ монашескихъ уставовъ и обѣтовъ, никакой власти, помимо своего духовнаго начальства, огромныя монашескія конгрегаціи могли служить только интересамъ папства. И онѣ, за рѣдкими исключеніями, служили имъ вѣрно. Въ критическую для папства минуту возникновенія реформации, когда послѣдняя грозила создать для него огромныя опасности и могла сокрушить навсегда его вѣковое могущество, на помощь папѣ явился знаменитый орденъ іезуитовъ (1540). Прошло какихъ-нибудь 50 лѣтъ съ его основанія, а братья-іезуиты уже успѣли проникнуть во всѣ части свѣта, во всѣ общественные слои, отъ низшихъ до самыхъ высшихъ. Въ королевскихъ дворцахъ они играли роль духовныхъ отцовъ коронованныхъ особъ и, чрезъ исповѣдь, управляли ихъ поведеніемъ. Въ своихъ заведеніяхъ они воспитывали юношество аристократіи и средняго сословія, подготавливая офицеровъ для арміи, чиновниковъ для суда, администраторовъ для всѣхъ отраслей гражданской службы, и выдвигая на общественные верхи лицъ, способныхъ поддерживать интересы ихъ ордена. Съ такой арміей, каковую

представляли іезуиты, папа могъ спать спокойно. Ихъ работа шла въ двухъ направлєніяхъ. Съ одной стороны, они вели беспощадную борьбу со всѣми врагами папства—съ реформаціей, янсенизмомъ, философскими направлєніями, въ частности во Франціи съ стремленіемъ епископата къ созданію независимой галликанской церкви. Съ другой, они укрѣпляли собственныя позиціи папства, вознося его авторитетъ на недосыгаемую высоту. Въ средствахъ они не стѣснялись. Самый знаменитый изъ іезуитовъ XVI в. Белларминъ съ помощью подложныхъ декреталій VIII в. съ успѣхомъ доказывалъ, что христіанская церковь съ самаго своего зарожденія представляла абсолютную монархію съ папой во главѣ. Онъ же училъ, что папа непогрѣшимъ, такъ какъ находится подъ непосредственнымъ озареніемъ отъ Христа, и потому всякое соборное постановленіе имѣетъ силу лишь съ одобренія папы, тогда-какъ папское рѣшеніе, наоборотъ, не можетъ быть утверждаемо никакой земной властью: „оно само по себѣ обязательно и божественно достоверно“.

Эта доктрина и легла въ основу постановленій Тридентскаго собора. Не смотря на сопротивленіе представителей Франціи, отстаивавшихъ свободы галликанской церкви, соборъ провозгласилъ (1563) абсолютное верховенство папства не только надъ епископатомъ, но и надъ свѣтскими государями. Духовная власть папы поднялась на высоту, которой не достигало раньше; его воля получила силу закона, обязательнаго для всей церкви. Не доставало лишь догмата о его непогрѣшимости. На это сторонники папы не рѣшились. Но чтобы предохранить вѣрующихъ отъ опасныхъ разсужденій о вѣрѣ, соборъ составилъ катехизисъ, въ которомъ было собрано все, во что безпрекословно долженъ вѣровать благочестивый католикъ и въ чемъ онъ не могъ сомнѣваться подъ страхомъ вѣчныхъ мученій.

Папству, потерпѣвшему неудачу въ теченіе предшествующихъ вѣковъ въ своихъ попыткахъ овладѣть свѣтской властью государствъ и потерявшему, въ концѣ концовъ, даже вліяніе на государей, теперь оставалось ограничиваться своимъ духовнымъ авторитетомъ и заботиться о его возвышеніи. Съ помощью Тридентскаго собора они это и сдѣлали. Послѣ собора католическая церковь продолжала вырабаты-

вать и укрѣплять свой монархическій строй, и въ то время какъ реформированная протестантская церковь пріобрѣтала характеръ демократіи, ограничиваемой нравственнымъ авторитетомъ папства, католическая все болѣе и болѣе клонилась къ самодержавію, хотя еще встрѣчавшему ограниченія со стороны аристократіи—епископата.

Возможность этого ограниченія вытекала уже изъ того, что папа не былъ провозглашенъ на Тридентскомъ соборѣ непогрѣшимымъ. Французскіе епископы, воспользовавшись оставленной за ними долей авторитета и опираясь на помощь своихъ королей, ведутъ противъ папства борьбу за свободы галликанской церкви, и галликанизмъ процвѣтаетъ при французскомъ дворѣ и среди французскаго епископата въ теченіе трехъ вѣковъ XVI, XVII и XVIII.

Какъ и слѣдовало ожидать, монашескіе ордена оставались всецѣло на сторонѣ Рима. Они боролись съ галликанизмомъ. Они-же, собственно, а не епископаты, вели борьбу съ протестантами и янсенитами. Опираясь на Тридентскій соборъ, предоставившій папѣ верховенство надъ епископами и государями въ дѣлѣ борьбы съ ересями и свободой совѣсти, монахи сумѣли въ этомъ случаѣ подчинить своему вліянію и правительству Франціи. Дѣйствовали они очень умѣло. Съ опредѣленными цѣлями іезуиты начинаютъ оспаривать предъ народомъ доктрину о божественномъ происхожденіи царской власти, усердно распространяемую королями среди подданныхъ, и учатъ, что источникъ власти — воля народа, и что народъ можетъ ниспровергнуть короля, если тотъ станетъ еретикомъ. Такая проповѣдь имѣла успѣхъ короли, не обнаружившіе достаточной ревности къ католицизму, платились за это жизнью. Генрихъ III былъ убитъ доминиканцемъ, Генрихъ IV, авторъ нантскаго эдикта, ученикомъ іезуитовъ. Большинство королей, по чувству самохраненія, принуждено было прислушиваться къ голосу монашества и дѣлать имъ уступки. Подъ вліяніемъ монаховъ Францискъ I началъ жестока преслѣдованія протестантовъ, Генрихъ II учредилъ во Франціи инквизицію, Карлъ IX устроилъ вароломеевскую ночь. Монахи поднимали народъ противъ индифферентныхъ къ католицизму королей и были одними изъ виновниковъ и подстрекателей полувѣковыхъ гражданскихъ войнъ, опустошавшихъ Фран-

цію. Размножившись до крайности, ордена заповнили всю страну. Борьба съ ихъ вліяніемъ дѣлалась чрезвычайно трудной.

Однако нараставшій абсолютизмъ, падавляя все, что хотѣло сопротивляться самодержавной волѣ короля, долженъ былъ положить извѣстныя границы вліянію какъ папства, такъ и его слугъ монаховъ. Въ 1663 г. королевскимъ ординасомъ было вмѣнено въ обязанность всѣмъ государственнымъ учрежденіямъ и оффиціальнымъ лицамъ исповѣдывать доктрину верховенства короля надъ папой въ свѣтскихъ дѣлахъ. Въ правленіе Ришелье, Мазарини и въ первую половину царствованія Людовика XIV авторитетъ папства и вліяніе монаховъ были сведены къ minimum'у. Но подобное положеніе дѣла могло существовать лишь при наиболѣе энергичныхъ и дѣльныхъ правителяхъ. Какъ только во главѣ правительства оказывалось слабое и недалекое лицо, авторитетъ и церкви, и папы, и монаховъ быстро выросталъ. Это особенно ярко сказалось въ царствованіе Людовика XIV. Пока духовныя дарованія короля стояли на высотѣ ихъ полного расцвѣта, церковь покорно склоняла предъ нимъ свою голову; король полновластно распоряжался церковными дѣлами и имуществами; духовенство безпрекословно принимало декларацию 1682 г. Позднѣе, когда рабское преклоненіе двора, арміи и народа развратило короля, а распущенная жизнь ослабила его духовныя силы, онъ подпалъ вліянію лицемѣрной любовницы и іезуитовъ и черезъ нихъ сталъ рабомъ той церкви, которая не такъ давно лежала у его ногъ. У Людовика XIV является, отчасти подъ вліяніемъ совѣтовъ Лейбница, странная идея—завоевать весь востокъ, уничтожить магометавство, соединить католицизмъ и протестантство въ одну религію и встать во главѣ христіанскаго міра въ качествѣ покровителя церкви съ именемъ ея старшаго сына. Мечта о всемірной монархіи и всемірной церкви не осталась безъ попытокъ къ осуществленію: начались преслѣдованія протестантовъ, съ ихъ стороны ничѣмъ не вызванна; нантскій эдиктъ отмѣненъ. Іезуитскій орденъ получаетъ огромное вліяніе, а съ его помощью растетъ и духовный авторитетъ папства.

Для французскаго епископата расцвѣтъ абсолютизма сопровождался порабощеніемъ свѣтскому правительству. Въ

этомъ направленіи особенно много сдѣлано въ царствованіе того-же Людовика XIV. Набирая епископовъ среди наиболѣе податливыхъ людей и почти исключительно изъ аристократической среды, Людовикъ сдѣлалъ изъ епископата услужливое, низкопоклонничавшее предъ правительствомъ словіе. Позднѣе, въ теченіе XVIII в., по мѣрѣ того какъ монархія слабѣетъ и идетъ къ упадку, епископы нѣсколько освобождаются отъ сервилитета и возвращаютъ болѣе или менѣе вліятельное положеніе въ государствѣ и обществѣ. Въмѣстѣ съ этимъ крѣпнетъ и поддерживаемый ими галликанизмъ. Охотно признавая за папой первенство чести и верховную юрисдикцію въ церкви, епископаты не забываютъ и своихъ правъ и потому по временамъ протестуютъ противъ папскихъ распоряженій. Доктрина, положенная въ основу деклараціи 1682 г., приобрѣтаетъ общее признаніе. Парламенты подтверждаютъ ея общеобязательность. Низшій клиръ держится галликанизма еще крѣпче. Въ немъ стремленіе къ освобожденію французской церкви отъ Рима связывается съ стремленіемъ къ демократизаціи церкви. Въ наказахъ 1789 г. онъ требуетъ избирательнаго начала въ замѣщеніи епископскихъ и священническихъ мѣстъ, заявляетъ желаніе имѣть право голоса на епископскихъ соборахъ и принимать участіе въ обсужденіи религіозныхъ вопросовъ. Возможно, что крѣпнувшій галликанизмъ привелъ-бы къ полному освобожденію французской церкви отъ папы, если-бы, съ одной стороны, государство, а съ другой, конгрегации не воспрепятствовали его дальнѣйшему росту по мотивамъ, съ религіей ничего общаго не имѣющимъ.

Рѣзкій поворотъ въ настроеніи французскаго духовенства былъ вызванъ церковной политикой Наполеона. До конкордата 1801 г. французскій епископаты, въ большинствѣ преданный галликанизму, оказывалъ папѣ въ его борьбѣ съ революціей умѣренную помощь. Послѣ конкордата картина мѣняется. Епископы, превращенные церковной реформой въ простыхъ чиновниковъ государства и сдавленные деспотическимъ режимомъ Наполеона, дружно повернули къ папѣ, въ которомъ видѣли единственную защиту отъ государственнаго произвола. Папа, конечно, встрѣтилъ ихъ съ распростертыми объятіями. Съ этого момента галликанизмъ пошелъ на убыль. Получивъ въ силу конкордата право при-

нимать отъ епископовъ жалобы, папа пользуется имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и вступаетъ въ смѣлыя пре-
рипателства съ правительствомъ. Возникла ожесточенная
борьба папства съ имперіей Наполеона. Имперія пала, но
борьба папства съ французскимъ государствомъ не прекра-
щалась. Правда, реставрированные Бурбоны (Людовикъ XVIII
и Карлъ X) были очень внимательны къ требованіямъ цер-
кви. Но послѣднія росли не по днямъ, а по часамъ, такъ
что выполнить ихъ не было никакой возможности. Еписко-
патъ все время остается на сторонѣ папы. Галликанизмъ
слабѣетъ. При конституціонной монархіи Луи-Филиппа
(1830—1848) онъ почти исчезаетъ. Духовенство послушно
слѣдуетъ голосу папы, и это какъ при второй республикѣ,
такъ и при второй имперіи. Если церкви удастся подчи-
нить своему вліянію правительство, она руководитъ имъ;
если правительство не хочетъ подчиняться, она ожесточенно
борется съ нимъ. Но и въ томъ и другомъ случаѣ она дѣй-
ствуетъ только въ интересахъ папства.

Авторитетъ папы поднялся, нѣсколько неожиданно, на
такую высоту, на которой не стоялъ давно. Ободренный успѣ-
хомъ, папа замышляетъ церковную реформу, которая под-
няла-бы его авторитетъ, если возможно, еще выше и укрѣ-
пила его за нимъ навсегда. Въ помощникахъ у папы недо-
статка не было, и его ревностные слуги принимаются съ
величайшимъ одушевленіемъ за осуществленіе гордыхъ за-
мысловъ. Изъ архивовъ папской исторіи извлекается отло-
женная на время въ сторону доктрина о непогрѣшимости
папы, и ультрамонтанскіе публицисты начинаютъ разрабаты-
вать ее въ своихъ статьяхъ и книгахъ, успѣшно вѣдряя
ее въ церковное сознаніе. Они усердно доказываютъ католи-
ческому обществу, что церковь должна имѣть верховный
органъ власти, и этотъ органъ непременно долженъ быть
непогрѣшимымъ въ силу того, что непогрѣшимость обѣ-
щана церкви Богомъ. Но органомъ непогрѣшимости можетъ
быть не соборъ, а лишь единое лицо, абсолютный монархъ
церкви, т. е. папа. Естественнымъ слѣдствіемъ этой док-
трины была другая—теорія верховенства духовной власти
церкви надъ свѣтской властью государства. Работа ультра-
монтанъ шла очень успѣшно, и папистское ученіе быстро

распространилось въ католическомъ мірѣ. Пію IX оставалось пожать плоды ихъ трудовъ.

Однако сразу провозгласить папу непогрѣшимымъ не рѣшились. Благоразуміе требовало сначала выяснить настроеніе церкви и ея возможное отношеніе къ папской затѣѣ, для чего устроили предварительную пробу: папа долженъ былъ провозгласить своей единоличной властью, безъ согласенія съ вселенскимъ соборомъ, новый догматъ, обязательный для всей церкви. Для этой цѣли воспользовались ученіемъ о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи, давно извѣстнымъ въ католической церкви, но далеко не пользовавшимся всеобщимъ признаніемъ. Созвавъ нѣсколькихъ епископовъ, по своему выбору, на предварительное частное совѣщаніе, папа посовѣтовался съ ними, и 8 декабря 1854 г. провозгласилъ своей властью новый догматъ—о непорочномъ зачатіи. Французскіе епископы опубликовали папскую буллу раньше, чѣмъ получило о ней извѣстіе правительство; такъ велика была ихъ готовность поддержать папу. Низшее духовенство, какъ и вѣрующіе пошли за епископами и вмѣстѣ съ ними торжественно праздновали объявленіе новаго догмата. Опытъ удался превосходно: церковь признала за папой право создавать догматы и тѣмъ самымъ выразила готовность признать его непогрѣшимымъ. Папѣ оставалось воспользоваться этой готовностью и завершить свое дѣло. Но предварительно онъ принялъ еще одну подготовительную мѣру: папа счелъ нужнымъ наложить анаѣму на весь современный прогрессъ и свободу, что было сдѣлано 8 декабря 1864 г. знаменитой энцикликой *Quanta cura* и изданнымъ въ добавленіе къ ней Силлабусомъ. Этотъ болѣе чѣмъ смѣлый шагъ грозилъ вызвать негодованіе какъ общества, такъ и правительствъ Европы. Но папа, повидимому, предвидѣлъ близкій конецъ своей свѣтской власти, и потому не находилъ нужнымъ чего-либо бояться. Его Силлабусъ торжественно осуждалъ, какъ несогласныя съ католической вѣрой заблужденія, народный суверенитетъ и всеобщее избирательное право, нейтральность народнаго просвѣщенія по отношенію къ религіи, свободу совѣсти, запрещеніе церкви примѣнять силу надъ вѣрующими, уничтоженіе свѣтской власти папъ, вмѣшательство государства въ осуществленіе церковью ея правъ, запрещеніе епископамъ издавать пастырскія посланія безъ разрѣ-

шенія правительства, верховенство свѣтской власти надъ духовной, отдѣленіе церкви отъ государства, гражданскій бракъ и разводъ, разрѣшеніе монахамъ оставлять ихъ званіе, свободу слова и печати и т. д.

Заканчивая Силлабусъ, папа рѣшительно, и даже не безъ ироніи, протестовалъ противъ мысли, „будто римскій первосвященникъ можетъ и долженъ примириться и войти въ соглашеніе съ прогрессомъ, либерализмомъ и современной цивилизаціей“.

Энциклика была принята церковью. Французское правительство наложило на нее запрещеніе, но уже послѣ ея обнародованія.

Покончивъ съ подготовительными маневрами и оставшись вполне довольнымъ ихъ результатами, Пій IX открываетъ 8 декабря 1869 г. въ Римѣ многолюдный и торжественный соборъ епископовъ и начальниковъ монашескихъ орденовъ, выбранныхъ преимущественно изъ такихъ лицъ, на которыхъ пала могъ положиться. Кардиналъ Маннингъ внесъ предложеніе въ пользу папской непогрѣшимости. Съ своей стороны папа представилъ собору 21 правило *De Ecclesia*— „О церкви“, въ которыхъ излагалось ученіе о духовной власти и полномочіяхъ католической церкви и въ значительной мѣрѣ повторялись анаемы Силлабуса. Законы церкви ставились папой выше гражданскихъ; церковь — выше государства.

Силлабусъ и *De Ecclesia* воскрешали доктрину, которую папство пыталось проповѣдывать еще въ XVI в. и которая предоставляла церкви право возмущать народы противъ гражданской власти, если-бы та не захотѣла преклониться предъ религіознымъ авторитетомъ. Конечно, папство XIX в. не могло быть такимъ откровеннымъ, какъ папы XVI в., которые (напр. Сикстъ V) признавали убійство королей фанатиками католицизма законнымъ, вполне заслуженнымъ наказаніемъ за равнодушіе къ интересамъ Рима и усматривали въ немъ даже актъ особенной милости Промысла. Папы XIX в. не могли идти такъ далеко. Однако Силлабусъ и *De Ecclesia* содержали ясную угрозу правительствамъ. И эта угроза не оставалась пустою фразой: какъ разъ въ это время ультрамонтаны вели ожесточенный походъ противъ правительства Наполеона III.

Опредѣливъ свое отношеніе къ государству и обществу, папа нашелъ нужнымъ высказать свой приговоръ и надъ современной наукой. Это онъ дѣлаетъ въ канонахъ De fide— „О вѣрѣ“, гдѣ провозглашаетъ, что „научныя мнѣнія, признанныя церковью противными ученію вѣры, представляютъ заблужденія, лишь прикрытыя видомъ истины“. Римская церковь поставила себя высшимъ судьей науки и потребовала, чтобы разумъ навсегда преклонился предъ вѣрой.

Теперь можно было увѣнчать все дѣло: провозгласить папу не только верховнымъ, но и непогрѣшимымъ главою церкви, превратить церковное общество въ самодержавную монархію и упрочить самодержавныя прерогативы монарха папы на вѣчныя времена.

Папа объявляетъ обязательный для всѣхъ вѣрныхъ сыновъ католической церкви догматъ о непогрѣшимости папы ex cathedra. Папство поставило себя выше не только всякой свѣтской власти, но и всей церкви. Церковь стала работой самодержавнаго первосвященника Рима.

Провозглашеніе новаго догмата совпало во Франціи съ учрежденіемъ третьей республики. Столкновеніе между папствомъ, объявившимъ войну наукѣ, разуму и народному праву, и политическимъ строемъ, основаннымъ на народномъ правѣ и отстаивающимъ торжество идеаловъ культуры, было неизбежно. Католицизмъ немедленно началъ борьбу съ республикой и велъ ее безъ перерыва въ теченіе 35 лѣтъ, что, въ концѣ концовъ, поставило республику въ необходимость отдѣлится, точнѣе, освободить государство отъ римско-католической церкви.

· *Θ. Россейкинъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).
